

ГЕОПОЛИТИКА GEOPOLITICS GEOPOLITIK

Самюэль ХАНТИНГТОН

КТО МЫ?

Вызовы американской
национальной идентичности

Геополитика (АСТ)

Самюэль Хантингтон

**Кто мы? Вызовы американской
национальной идентичности**

«Издательство АСТ»

2004

УДК 323.1(73)
ББК 66.5(7Coe)

Хантингтон С.

Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности /
С. Хантингтон — «Издательство АСТ», 2004 — (Геополитика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-107340-4

Книга Самюэля Хантингтона посвящена анализу ключевой для современного общественного сознания проблемы — определения идентичности. Приоритет общенационального самосознания особенно важен для страны, которую принято называть «плавильным тиглем народов», — Соединенных Штатов Америки. Однако сегодня в США набирают силу дезинтеграционные процессы, ставящие под сомнение сам факт дальнейшего существования феномена американской идентичности. Америка, как убедительно доказывает профессор Хантингтон, находится на переломе — и от того, в какую сторону в конце концов качнется маятник, зависит будущее не только Соединенных Штатов, но и всей мировой системы в целом.

УДК 323.1(73)
ББК 66.5(7Coe)

ISBN 978-5-17-107340-4

© Хантингтон С., 2004
© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	8
Часть I	10
Глава 1	10
Значимость идентичности: На месте ли флаги?	10
Другие национальные идентичности	11
Субнациональные идентичности	11
Транснациональные идентичности	12
Сущность идентичности: Кто мы такие?	13
Глобальный кризис идентичности	16
Перспективы американской идентичности	19
Глава 2	22
Концепция идентичности	22
Прочие и враги	24
Источники идентичности	26
Ложная дихотомия	27
Часть II	31
Глава 3	31
Переменные, константы и частичная правда	31
Первопоселенцы: до иммиграции	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Самюэль Хантингтон

Кто мы?

Посвящается Кэндис, Макс, Элизе и их американскому будущему

Серия «Геополитика»

Samuel P. Huntington
WHO WE ARE?

Перевод с английского А. Баширова

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Denise Shannon Literary Agency, Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Samuel P. Huntington, 2004 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Благодарности

Эта книга, как и все мои предыдущие труды, выросла из преподавательского опыта. В течение нескольких лет я читал университетский курс по американской национальной идентичности. Этот курс дал мне возможность и предоставил побудительную причину сформулировать и изложить мои мысли по данному поводу в связной, книжной форме. Вопросы, комментарии и замечания, которые я получал от своих студентов, заставляли меня многократно обдумывать отдельные положения, уточнять формулировки, искать обоснования, а также время от времени отвергать те или иные идеи и концепции. Результат налицо: без участия моих студентов эта книга оказалась бы намного хуже, чем она есть (а какова она есть, судить, разумеется, не мне).

На начальных стадиях работы над текстом мне оказывали существенную помощь Тэмми Фрисби, Мариус Хентес и Джон Стивенсон, которые подбирали и сортировали фактический материал, готовили пояснительные записки и сделали немало полезных комментариев и замечаний. Кэрол Эдвардс и Джина Флэхайв набирали первые главы чернового варианта рукописи.

Основной корпус текста создавался на второй стадии работы, когда мне несказанно повезло получить в помощники замечательную команду: Бет Бейтер, Тодда Файна и Джеймса Перри. Без помощи этой «книжной команды» рукопись ни за что не удалось бы завершить в тот срок, в который она была завершена; более того, она могла вообще не увидеть свет. Джеймс Перри вдобавок помогал мне подбирать и анализировать статистические данные, его потрясающее умение обращаться с компьютером избавило нас от множества технических проблем, его познания в юриспруденции позволили разобраться в законодательствах штатов, а его мудрые советы способствовали тому, что я стал излагать свою точку зрения аккуратно, корректно и аргументированно. Джеймс – мастер «короткой прозы»: его пояснительные записки не содержали ничего лишнего, только факты и тщательно продуманные и весьма убедительные комментарии к ним.

Тодд Файн настойчиво и эффективно искал и находил материалы в библиотечных лабиринтах Гарварда, будь то книги, документы, сводки или иные сведения; находил и при первой же возможности клал найденное на мой рабочий стол. Следует, впрочем, признать, что основной его вклад состоял в приучении меня к аккуратности. Он неустанно проверял и перепроверял факты, таблицы, цитаты и ссылки, причем порой доходил до самого настоящего буквоедства, противясь, например, моему намерению округлить проценты: по его мнению, проценты следовало указывать с точностью не менее до одной десятой. Что ж, в книгах наподобие этой, содержащих огромное количество фактического материала, вероятность ошибки весьма велика. Тодд сделал все, чтобы свести возможные ошибки к абсолютному минимуму.

Третий член «книжной команды», Бет Бейтер, была «ступицей», вокруг которой все мы вращались. Она являлась нашим коммуникационным центром и координатором всей нашей деятельности, следила за тем, чтобы каждый из нас выполнял свою работу и одновременно имел представление о том, чем в данный момент занимаются остальные. С неприменной улыбкой она напоминала нам о близящемся сроке сдачи рукописи и подпитывала наши силы кофе и печеньем. Я крайне признателен ей за то, что она взяла на себя заботу о моем расписании и составление графика деловых встреч, лекций и иных мероприятий за пределами университетских аудиторий. А еще она раз за разом набирала на компьютере переработанные главы книги.

В прошлом у меня было много первоклассных помощников. Однако никогда раньше мне не встречалась такая «книжная команда», блещущая разнообразными талантами, столь гармоничная, столь эрудированная и столь преданная делу. Знакомство и работа с ними – неоценимый и восхитительный опыт.

Мои друзья Лоуренс Гаррисон, Питер Скерри и Тони Смит прочитали первоначальный вариант текста и поделились со мной очень и очень ценными комментариями и замечаниями, которые я постарался учесть и которые существенно улучшили книгу. Ларри Гаррисону я также крайне обязан за идеи и советы, равно как и за ту поддержку, которую он оказывал мне на протяжении всего времени работы над этой книгой.

Последняя не была бы написана (и к работе над ней не удалось бы привлечь «книжную команду») без финансовой поддержки фонда Смита – Ричардсона, фонда Брэдли, фонда Уэзерхед, Гарвардского университета и Уэзерхедского центра международных исследований при Гарвардском университете.

С момента возникновения проекта этой книги и до последнего этапа ее публикации Дениз Шэннон брала на себя гораздо больше «типовых» обязанностей литературного агента; она приложила все усилия к тому, чтобы книга была опубликована именно в том виде, в котором я ее себе представлял, – и справлялась со всеми моими капризами и свойственными автору причудами. Боб Бендер, мой редактор в издательстве «Simon and Schuster», делал все от него зависящее, чтобы книга шла по утвержденному графику, и стойчески сносил мои причитания по поводу срыва сроков (в этом ему радостно помогала его ассистентка Джоанна Ли).

Всем этим людям и организациям я приношу свою глубочайшую благодарность. Все они, в той или иной степени, причастны к выходу этой книги. Разумеется, ответственность за ее содержание лежит целиком на мне, поэтому все недочеты, упущения и ошибки, которые могут встретиться в тексте, – мои и только мои.

Наконец самое важное. Со своей женой Нэнси я познакомился в 1956 году; год спустя мы обвенчались. В ту пору я как раз закончил свою первую книгу «Солдат и государство» и собирался приступить к следующей. Ныне у меня за спиной множество статей и книг, а Нэнси частенько приговаривает, что вряд ли вышла бы за меня замуж, зная она заранее, что ей предстоит жить с раздражительным, ворчливым, вечно занятым профессором, подверженным припадкам ярости, особенно в длительные периоды исследовательского труда. Тем не менее она доблестно вынесла мое брюзжание во время работы над этой книгой, и наш брак не только не распался, но и, исключительно благодаря Нэнси, сделался еще прочнее и счастливее, если такое возможно. За все это я могу лишь признаться ей в любви и выразить самое искреннее восхищение ее почти полувековым терпением и заботой.

С. П. Х.

Предисловие

Эта книга посвящена особенностям американской национальной идентичности. Главная особенность, если не суть, последней состоит в том, что американцы приписывают национальной идентичности роль, главенствующую по сравнению со всеми прочими идентичностями. При этом мы намерены ответить на вопрос, что объединяет американцев в нацию и что отличает их от других народов. В этой книге выдвигаются три основных аргумента.

Во-первых, осознание американцами собственной национальной идентичности варьировалось на протяжении всей истории США. Лишь в восемнадцатом столетии британские переселенцы начали отождествлять себя не только со своими колониями, но и со страной, в которой эти колонии были основаны. Вслед за обретением независимости в девятнадцатом столетии возникло и укрепилось представление об американском народе. После Гражданской войны понятие национальной идентичности сделалось превалирующим и американский национализм расцвел пышным цветом. В 1960-х годах, однако, осознание национальной идентичности пошло на спад, ей стали угрожать идентичности субнациональные, двунациональные и транснациональные. Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 года вернули Америке ее идентичность. До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной.

Во-вторых, на протяжении американской истории жители США определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология» и «культура». Первые два термина сегодня практически выведены из оборота. Американцы рассматривают свою страну как мультиэтническое и мультинациональное общество. Также принято считать, что Америку отличает от остальных некая особая вера, «американское кредо», впервые изложенное Томасом Джефферсоном и отточенное в формулировках его наследников. Впрочем, эта вера – порождение англо-протестантской культуры отцов-основателей, и ее фундамент был заложен в XVII–XVIII вв. Ключевыми элементами этой культуры являются английский язык, десять евангельских заповедей, английские же представления о главенстве закона, ответственности правителей и правах отдельных личностей, а также «раскольнические» протестантские ценности – индивидуализм, рабочая этика, убежденность в том, что люди могут и должны создать рай на земле – или «град на холме». Миллионы иммигрантов прибыли в Америку, привлеченные этой культурой и экономическими возможностями, которые она открывала.

В-третьих, на протяжении трех столетий стержнем американской национальной идентичности была англо-протестантская культура. Именно она – то общее, что объединяет американцев, как замечали бесчисленные иностранцы, именно она отличает американский народ от остальных. В конце двадцатого столетия этой культуре был брошен вызов: новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации в интеллектуальных и политических кругах, распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятиях расы, этноса и пола, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям. Ответы на этот вызов могут быть следующими:

1) религиозная Америка, утратившая свой историко-культурный стержень и объединяемая лишь приверженностью американскому кредо:

2) бюрократическая Америка, имеющая два официальных языка – английский и испанский – и две культуры – англо-протестантскую и испанскую;

3) «отделившаяся» Америка, вновь рассуждающая о народах и расах и отвергающая либо подчиняющая тех, кто не принадлежит к белым европейцам;

4) возрожденная Америка, восстановившая свою англо-протестантскую культуру и религиозные ценности и объединенная конфронтацией с враждебным миром;

5) некая комбинация перечисленных выше, а также оставшихся неупомянутыми возможностей.

В нашей книге предпринимается попытка пролить свет на возникновение и формирование американской национальной идентичности, а также проанализировать факторы, которые определяют ее будущее. То, как американцы воспринимают эту идентичность, влияет на их отношение к собственной стране, на то, какой они ее видят, – космополитичной, имперской или националистической – в отношениях с остальным миром.

Над этой книгой я работал в двух ипостасях – как патриот и как ученый. Как патриот я глубоко озабочен единством и силой страны и общества, основанного на свободе, равенстве, законе и уважении прав личности. Как ученый я нахожу эволюцию американской национальной идентичности предметом, заслуживающим самого пристального внимания и самого тщательного изучения. Однако патриотизм нередко вступает в противоречие с научными интересами. Сознавая это, я, хотя и стремился к беспристрастному анализу фактов, обязан предупредить читателя: и подбор материала, и его интерпретация в значительной мере определялись моим патриотическим желанием отыскать смысл и добродетель в прошлом Америки и в ее потенциальном будущем.

Все общества в своем развитии сталкиваются с различными угрозами – и рано или поздно этим угрозам поддаются. Тем не менее некоторым удается приостановить процесс подчинения и даже, хотя бы на время, обратить вспять увядание и оживить собственную идентичность. Я верю, что Америке такое вполне по плечу и что американцам следует вернуться к англо-протестантской культуре и к тем традициям и ценностям, которые на протяжении трех с половиной столетий безоговорочно принимались американцами всех народностей и религий, которые были источником свободы, единения, процветания и морального превосходства, превратившего Соединенные Штаты в оплот добра в мире.

Я позволю себе уточнить, что ратую за англо-протестантскую культуру, а никак не за англо-протестантский народ. По моему глубокому убеждению, одним из величайших достижений Америки стало устранение расовых и этнических основ идентичности и превращение США в мультиэтническое, мультирасовое общество, в котором людей оценивают по их заслугам, а не по цвету кожи. Это произошло, как мне кажется, благодаря приверженности американцев англо-протестантской культуре и «символу веры» отцов-основателей. Если эта приверженность сохранится и впредь, Америка останется Америкой даже тогда, когда забудутся за давностью лет лозунги националистического белого движения WASP. Это Америка, которую я знаю и люблю. И это та Америка, которую любят и которой желают большинство американцев, что подтверждают многочисленные факты на страницах данной книги.

С. П. Х.

Часть I

Проблемы идентичности

Глава 1

Кризис национальной идентичности

Значимость идентичности: На месте ли флаги?

Чарльз-стрит, главная артерия бостонского района Бикон-хилл, представляет собой красивую улицу, вдоль которой выстроились четырехэтажные кирпичные дома с апартаментами над антикварными лавками и прочими магазинами. В одном из кварталов регулярно вывешивались американские флаги – над входом в почту и в магазин спиртных напитков. Со временем почта отказалась от этой традиции, и 11 сентября 2001 года флаг над винным магазином развевался в гордом одиночестве. Две недели спустя в этом квартале было вывешено семнадцать флагов, не считая «звездно-полосатого» на другой стороне улицы. Когда страна подверглась нападению, обитатели Чарльз-стрит внезапно вспомнили о своей национальной принадлежности и отождествили себя со своей страной.

Приступ патриотизма затронул, разумеется, не только бостонскую Чарльз-стрит – он охватил всю Америку. Со времен Гражданской войны американцы привыкли воздавать почести национальному флагу. «Звезды и полосы» постепенно приобрели религиозный статус, превратились в икону, стали для американцев символом национальной идентичности – вопреки отношению, которое это флаг вызывал у жителей других стран. Однако никогда раньше этот флаг не имел того значения, какое он приобрел после 11 сентября 2001 года. Флаги виднелись повсюду – на домах, в офисах, в автомобилях, в окнах, на фасадах, на фонарных столбах и телефонных антеннах, даже на мебели и на одежде. В начале октября того же года, как показал социологический опрос, 80 процентов американцев выставляли национальный флаг – 63 процента дома, 28 процентов на автомобилях, 29 процентов носили на одежде¹. Универмаг «Уоллмарт» продал 11 сентября 116 000 флагов, а на следующий день – еще 250 000; стоит сравнить эти цифры с показателями предыдущего года – 6400 и 10 000 соответственно. Спрос на флаги в десять раз превышал тот, каким они пользовались во время войны в Заливе; производители флагов удвоили, если не утроили и даже не учетверили, свою прибыль².

Флаги стали зримым свидетельством единого и драматического осознания американцами национальной идентичности. Эту трансформацию прекрасно иллюстрируют слова некой молодой женщины, произнесенные 1 октября 2001 года:

«Когда мне исполнилось 19, я перебралась в Нью-Йорк... Если вспоминать, какой я была тогда, я скажу, что увлекалась музыкой, сочиняла стихи, рисовала – и, почти на политическом уровне, оставалась при этом женщиной, лесбиянкой и еврейкой. Американкой я себя, признаться, не сознавала.

В колледже я изучала экономику и теорию гендера, и нас с подругой настолько злило американское неравенство, что мы всерьез обсуждали, как нам эмигрировать отсюда. 11 сентября все переменилось. Я поняла, что принимала свободу за данность. Теперь я ношу на своей сумке американский

флаг, улыбаюсь истребителям, пролетающим в небе надо мной, и называю себя патриоткой»³.

Слова Рэйчел Ньюман показывают, сколь малым было отождествление себя со своей страной у некоторых американцев до 11 сентября. Среди образованных американцев, принадлежащих к элите, представление о национальной идентичности воспринималось весьма отстраненно. В сознание американца настойчиво вторгались такие концепции, как глобализация, мультикультурализм, космополитизм, иммиграция, субнационализм и антинационализм. На передний план выступали иные идентичности – расовые, «кровные», гендерные. А многие иммигранты, по контрасту, демонстрировали лояльность Штатам и охотно принимали двойное гражданство. Волна испанизации захлестнула Америку, возникли даже сомнения в сохранении лингвистического и культурного единства страны. Сотрудники корпораций, профессионалы, технократы «информационной эпохи» ставили космополитизм выше национальной идентичности. Преподавание американской истории превратилось в преподавание истории этнической, чтобы не сказать племенной. Торжество диверсификации заставляло все острее тосковать по тому общему, что объединяло американцев, что, собственно, и делало их американцами. Национальное единство и ощущение национальной идентичности, порожденные трудами и борьбой пионеров в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях и закрепленные тяготами мировых войн века двадцатого, стремительно утрачивали почву под ногами. К 2000 году Америка во многих отношениях утратила внутреннее единство, присущее ей, скажем, году в 1865-м. «Звезды и полосы» спустили до середины флагштока, а их место заняли иные флаги.

Вызов, брошенный национальной идентичности Америки другими национальными, субнациональными и транснациональными идентичностями, отчетливо проявился в событиях 1990-х годов.

Другие национальные идентичности

На матче чемпионата мира по футболу между Мексикой и США в феврале 1998 года болельщики числом 91 255 человек «купались в море красно-бело-зеленых флагов», неодобрительно гудели, когда заиграли гимн США, забрасывали американских футболистов «всяким мусором, стаканами из-под воды и пива», кидали фрукты и пивные кружки в немногочисленных болельщиков, пытавшихся поднять американский флаг. Игра, между прочим, проходила не в Мехико, а в Лос-Анджелесе. «Что ж, если я не могу поднять в своей стране ее флаг – значит со страной что-то случилось», – прокомментировал ситуацию один болельщик, уклоняясь от брошенного в него лимона. «Играть в Лос-Анджелесе вовсе не означает для американцев играть дома», – подтвердила «Лос-Анджелес таймс»⁴.

В прошлом иммигранты не скрывали слез радости, когда, преодолев многочисленные тяготы пути, они видели перед собой статую Свободы. Они охотно отождествляли себя со страной, предлагавшей им свободу, работу и надежду, и нередко становились наиболее патриотичными из граждан США. В 2000 году соотношение между «коренными» американцами и рожденными за рубежом было, пожалуй, меньше, чем в 1910 году, однако соотношение между «американскими» американцами и теми американцами, которые идентифицировали себя со странами своего рождения, а не с США, было, как представляется, едва ли не самым высоким со времен Американской революции.

Субнациональные идентичности

В своей книге «Расовая гордость и американская идентичность» Джозеф Ри цитирует поэтические строки, произносившиеся на двух президентских инаугурациях. В 1961 году на

инаугурации Джона Ф. Кеннеди Роберт Фрост восславил «героические деяния» отцов-основателей, которые с Божьей помощью установили «новый порядок эпох»:

И мы, отдавшись ей, нашли спасенье.
Ей отдали себя раз навсегда
(Наш дар скреплен был жертвой многих жизней),
Стране огромной, звавшей нас на запад...¹

Америка, по словам Фроста, вступала в «золотой век поэзии и могущества».

Тридцать два года спустя Майя Анжелу на инаугурации Билла Клинтона прочитала стихотворение, очертившее иной образ Америки. Даже не употребляя таких слов, как «Америка» или «американцы», она упомянула двадцать семь этнических, религиозных, племенных и «кровных» групп – азиатов, евреев, мусульман, индейцев пауни, испаноязычных, эскимосов, арабов, ашанти, если перечислить лишь некоторых – и драматизировала страдания, которые им пришлось пережить в результате американской «борьбы за прибыль» под «кровавой пятой государственного цинизма». Америка, заявила Анжелу, «навек обречена со страхом, навеки повязана с жестокостью»⁵.

Фрост воспринимал американскую историю как то, чем можно и должно восхищаться. Анжелу трактовала проявления американской идентичности как угрозу благополучию людей, принадлежащих к различным субнациональным группам.

Схожая разница во взглядах была продемонстрирована в 1997 году, в ходе телефонного интервью, которое корреспондент «Нью-Йорк таймс» брал у Уорда Коннерли, лидера оппозиционного властям движения в Калифорнии. Разговор происходил следующим образом:

«Корреспондент: Кто вы?»

Коннерли: Американец.

Корреспондент: Нет, нет! Кто вы по сути?»

Коннерли: Как это «нет»? Я – американец.

Корреспондент: Я имел в виду другое. Мне сказали, вы афроамериканец.

Или вы стыдитесь в этом признаваться?»

Коннерли: Нет, я просто горжусь тем, что являюсь американцем».

Затем Коннерли объяснил, что в его роду были африканцы, французы, ирландцы и индейцы, после чего диалог завершился так:

«Корреспондент: И кем это вас делает?»

Коннерли: Это делает меня американцем!»⁶

В 1990-х годах, впрочем, американцы, подобные Рэйчел Ньюман, отвечали на вопрос «Кто вы?» далеко не с той же страстью, какую выказал Уорд Коннерли. Они декларировали собственную этническую, субнациональную или гендерную идентичность, каковой, по-видимому, ожидал и от Коннерли корреспондент «Нью-Йорк таймс».

Транснациональные идентичности

В 1996 году Ральф Нейдер обратился с открытым письмом к руководителям сотни крупнейших американских корпораций, указывая, сколь значительные налоговые послабления и прочие благодеяния (по оценке Института Като, в денежном выражении последние составляли 65 миллиардов долларов в год) они получают от федерального правительства, и предлагая им

¹ Robert Frost. A Gift Forever. Русский перевод М. Зенкевича. – *Примеч. ред.*

выказать поддержку стране, «их вскормившей и воспитавшей, взрастившей и защищавшей», посредством несложной процедуры; директорам, по мнению Нейдера, следовало открыть ежегодные собрания акционеров клятвой американскому флагу и республике, которую он символизирует. С одобрением к этой инициативе отнеслась одна-единственная компания – Федеральная торговая система; половина не отреагировала на обращение либо отвергла его как не имеющее отношения к реальности. Представитель компании «Форд» четко обозначил позицию корпораций: «Будучи компанией многонациональной... «Форд» в определенном смысле является австралийской фирмой в Австралии, английской фирмой в Соединенном Королевстве, немецкой фирмой в Германии». Представитель компании «Aetna» назвал инициативу Нейдера «противоречащей принципам, на которых зиждется наша демократия». Представитель «Моторолы» осудил «политическую и националистическую подоплеку» этого предложения. Представитель «Price Costco» задался вопросом, что корпорациям предложат дальше – личные клятвы верности? А один из руководителей концерна «Кимберли – Кларк» заметил, что инициатива Нейдера приводит на ум «недоброй памяти 1950-е»⁷.

Несомненно, столь резкая реакция лидеров корпоративной Америки отчасти объясняется тем, что Нейдер преследовал их много лет и они не смогли удержаться от возможности заклеить его как «Джо Маккарти наших дней». Однако они далеко не одиноки в своем стремлении дистанцироваться от национальной идентичности; схожее стремление проявляет значительная часть элиты. Интеллектуалы, выдающиеся ученые нападают на «национальную гордость», называют ее «морально опасной», призывают «искоренить зло национальной идентичности» и утверждают, что американским студентам «отвратительно сознавать свою принадлежность к гражданам Соединенных Штатов»⁸.

Подобные заявления лишний раз показывают, какой степени достигла «денационализация» среди американской элиты, среди бизнесменов, финансистов, интеллектуалов, «синих воротничков» и даже государственных чиновников; какому натиску подвергается национальная идентичность со стороны транснациональных и космополитических идентичностей. Широкая публика, впрочем, не разделяет этой идеологии, а потому пропасть между американским народом и его транснациональной элитой, контролирующей силу, богатство и знание, становится все шире.

11 сентября радикально изменило отношение элиты к собственной стране, и звездно-полосатый флаг вновь гордо взмыл к небесам. Останется ли он на верху флагштока? Вернемся на Чарльз-стрит: из семнадцати флагов к ноябрю осталось одиннадцать, к декабрю – девять, к январю – семь, к марту – пять; в годовщину нападения террористов этих флагов было всего четыре – вчетверо больше, чем до 11 сентября, но и вчетверо меньше, чем сразу после этой даты. Какой вывод отсюда можно сделать? Что *нормально* – то, что происходило до 11 сентября, или сразу после него, или значительно позднее? Неужели Америке в целом, как Рэйчел Ньюман, необходим Усама бен Ладен, чтобы осознать: мы – американцы? Если не последует новых разрушительных атак, неужели мы вернемся к декадентствующему американизму 1990-х? Или все-таки обретем возрожденную национальную идентичность, которая не зависит от смертельных угроз из-за рубежа и которая обеспечит нам единство, казавшееся недостижимым в последние десятилетия двадцатого века?

Сущность идентичности: Кто мы такие?

Флаги, вывешенные после 11 сентября, символизировали Америку, однако не передавали «американской сути». Некоторые государственные флаги – например, триколор, «Юнион Джек» или пакистанский зеленый флаг со звездой и полумесяцем – говорят нечто содержательное о национальной идентичности стран, символами которых они являются. Что касается звездно-полосатого флага США, его трактовка однозначна: когда-то у нас было тринадцать

штатов, а теперь – пятьдесят. В остальном американцы и жители других стран вольны приписывать государственному флагу США какие угодно символические значения. Изобилие американских флагов после 11 сентября, вполне возможно, явилось не столько свидетельством возросшего осознания национальной идентичности, сколько признаком неуверенности в собственной сути, признаком колебаний в ответе на вопрос, а кто мы такие. Ощущение национальной идентичности, безусловно, может нарастать и ослабевать под влиянием внешней угрозы, а вот сущность этой идентичности подвержена колебаниям в значительно меньшей степени; она формируется гораздо медленнее, нежели отличительные особенности того или иного народа, складывается из многочисленных, зачастую конфликтующих между собой социальных, экономических и политических трендов. Сущность Америки, какой она была 10 сентября 2001 года, не слишком изменилась на следующий день.

«Мы – американцы»; это предложение необходимо всесторонне проанализировать. Кто такие «мы» и сколько нас? Если больше одного, то что отличает «нас» от «них» – от тех, кто не «мы»? Расовая принадлежность, религия, «чувство крови», ценности, культура, достаток, политика? Вправду ли жители Соединенных Штатов, как утверждают некоторые, «универсальная нация», основанная на уважении к ценностям, признаваемым всеми людьми на планете и включающая в себя представителей всех без исключения народностей Земли? Или же мы – нация западная, чья идентичность определяется европейским культурным и правовым наследием? Или мы уникальны и ни на кого вообще не похожи, мы создали собственную цивилизацию, как не устают твердить проповедники «американской исключительности»? Или же мы – политическое образование, единственная идентичность которого существует в общественном договоре, воплощенном в Декларации независимости и других исторических документах? Что есть США – мозаика или плавильный тигель? Что есть американская культура – едина ли она, то есть монокультурна, или бикультурна, или мультикультурна? Присуща ли нам как нации некая сверх-идентичность, превосходящая все наши расовые, религиозные и политические идентичности?

Таковыми вопросами задавались многие американцев после 11 сентября. Отчасти, разумеется, эти вопросы были риторическими, тем не менее они обнажили всю глубину проблем в американском обществе и американской политике. В 1990-е годы Америку сотрясали споры об иммиграции и ассимиляции, мультикультурализме и многообразии, межрасовых конфликтах и «положительных действиях», о месте религии в социуме, о двуязычном образовании, о предметах, обязательных для изучения в школах и колледжах, о молитвах перед занятиями и свободе аборт, о значении гражданства и национальности, об участии иностранцев во внутриамериканских выборах, об «экстерриториальном» применении американских законов и нарастающей политической роли диаспор. И за всеми этими спорами стоял вопрос национальной идентичности. Какую бы позицию человек ни занимал в любом из перечисленных выше споров, он тем самым делал определенные допущения относительно упомянутой идентичности.

То же происходило и во внешней политике. В 1990-е годы значительно возросло количество горячих дебатов относительно национальных интересов Америки в мире, пережившем «холодную войну». Доводы в этих дебатах нередко были весьма неубедительными, если не сказать шаткими, но эта неубедительность, эта шаткость объяснялась не слабостью аргументации, а новизной и многомерностью сложившегося положения вещей. Впрочем, неуверенность в мнениях по поводу роли Америки в новом мире проистекала и из другого. Как известно, национальные интересы вырастают из национальной идентичности. Необходимо понимать, кто мы такие, прежде чем определять сферу своих интересов.

Если американская идентичность формируется универсальными принципами свободы и демократии, можно предположить, что утверждение этих принципов в других странах должно стать основной целью американской внешней политики. А если Соединенные Штаты «уни-

кальны», «исключительны», тогда у них нет ни малейшего стимула защищать по всему миру демократию и права человека. Если американский народ представляет собой «коллекцию» разнообразных культурных и этнических сущностей, национальные интересы Америки будут требовать «ублажения» этих сущностей, и в результате мы получим «мультикультурную» внешнюю политику. Если же американское общество принадлежит к западной традиции, проросшей из европейского культурного наследия, тогда нам следует сосредоточиться на углублении связей с Западной Европой, вплоть до создания Североатлантической зоны свободной торговли, и на укреплении НАТО. Если иммиграция постепенно превращает США в испаноговорящую страну, мы должны ориентироваться преимущественно на Латинскую Америку. Если же для американского образа жизни не имеют решающего значения ни европейская, ни латинская культуры, тогда США нужно проводить внешнюю политику, направленную на разрыв культурной близости с другими странами... Определений национальной идентичности в подобном контексте можно привести достаточно много, и все они будут диктовать разные национальные интересы и разные приоритеты в политике. Конфликты по поводу наших действий за рубежом коренятся в «домашних» спорах относительно того, кто мы такие.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии возникло в 1707 году, Соединенные Штаты Америки – в 1776 году, Союз Советских Социалистических Республик – в 1918 году. Как следует из названий всех этих государств, они представляли собой союзы народов, объединенных через завоевания или дипломатическим путем. В начале 1980-х годов эти три государства производили впечатление успешно развивающихся и твердо стоящих на ногах, обладающих эффективными законными, хоть и в различной степени, правительствами и наделенных ощущением собственной – британской, американской, советской – идентичности. К началу 1990-х годов Советский Союз прекратил свое существование. К концу 1990-х годов Соединенное Королевство «рассоединилось» – в Северной Ирландии пришли к власти сторонники отделения, Шотландия и Уэльс вступили на путь автономизации, причем шотландцы не скрывали своего стремления к полной независимости, а англичане гораздо чаще стали называть себя именно англичанами, а не британцами. «Юнион Джек» словно распался на отдельные кресты; казалось вполне возможным, что в первой трети двадцать первого столетия Соединенное Королевство разделит судьбу СССР.

Немногие могут похвастаться тем, что предвидели распад Советского Союза и мучительную агонию Соединенного Королевства за десять лет до того, как это произошло в реальности. Сегодня немногие американцы сознают, сколь глобальны перемены, происходящие в США. Окончание «холодной войны», развал СССР, восточноазиатский экономический кризис 1990-х и 11 сентября 2001 года напоминают нам: история полна сюрпризов. Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США и в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного.

Американцы, добившиеся независимости в конце восемнадцатого столетия, были немногочисленны и «однородны»: в большинстве своем белые (черным и индейцам в гражданских правах было отказано), потомки переселенцев из Британии, протестанты по вероисповеданию, выросшие на общей культуре и преданные принципам, изложенным в Декларации независимости, в Конституции и в прочих «учредительных документах» молодого государства. К концу двадцатого столетия количество американцев возросло почти в сотню раз; Америка стала многонациональной (69 процентов белых, 12 процентов латино, 12 процентов черных, 4 процента эмигрантов из Азии и с островов Тихого океана, 3 процента представителей других народов), мультиэтнической (нет ни единой преобладающей этнической группы) и мультирелигиозной (63 процента протестантов, 23 процента католиков, 8 процентов приверженцев других религий, 6 процентов атеистов). Общая культура Америки и принципы равенства и свободы лич-

ности, священные для «американского символа веры», подвергались ожесточенным нападениям. Окончание «холодной войны» лишило Америку врага, от которого она могла себя защищать. Американцы остались одни – уже не те, что были, слабо представляющие, кем становятся.

Бессмертных обществ не бывает. Как заметил Руссо: «Если исчезли и Спарта, и Рим, какое государство может уповать на вечную жизнь?» Даже наиболее развитые общества рано или поздно сталкиваются с угрозой дезинтеграции, упадка и гибели под напором более молодых и жестоких «варварских» сил. Со временем Соединенные Штаты Америки не избегнут участи Спарты, Рима и многих других человеческих сообществ. Исторически сущность американской идентичности определялась расовой принадлежностью, «голосом крови», культурой (прежде всего языком и религией) и идеологией. Расовой Америки уже нет, как не слышно и «голоса крови». Культурная Америка в осаде. Как показывает советский опыт, идеология не в состоянии удержать вместе людей, лишенных расового, этнического и культурного единства. Да, могут существовать причины, по которым, как выразился Роберт Каплан, «Америка – именно таков ее удел – рождена, чтобы погибнуть»⁹. Тем не менее отдельные общества, сталкиваясь с серьезными вызовами своему существованию, находили возможность отсрочить упадок и предотвратить дезинтеграцию; эта возможность заключалась в возрождении национальной идентичности, национальной цели и общих культурных ценностей. Так случилось и в Америке после 11 сентября 2001 года. Теперь американцам предстоит ответить на новый вызов: сохранят ли они ощущение национальной идентичности, не подвергаясь новым нападениям?

Глобальный кризис идентичности

Американская «проблема идентичности», безусловно, уникальна – и в то же время характерна не только для Америки. Дебаты по поводу национальной идентичности давно превратились в неотъемлемую черту нашего времени. Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих, пересматривают свою позицию, меняют точки зрения. Кто мы такие? Чему мы принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем, поглощенным «задачей разложения и переформирования национальной идентичности». В Сирии и в Бразилии налицо, как утверждают аналитики, «кризис идентичности», Алжир переживает «разрушительный кризис идентичности», в Турции упомянутый кризис вызывает непрекращающиеся споры касательно национальной идентичности, а в России «глубочайший кризис идентичности» воскресил конфликт девятнадцатого столетия между западниками и славянофилами – противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия или все-таки евразийская. В Мексике все чаще слышны рассуждения о «мексиканской идентичности». Люди, прежде проживавшие в двух разных Германиях – демократической западноевропейской и коммунистической восточноевропейской, – пытаются сегодня обрести «общегерманскую идентичность». Население Британских островов утратило былую уверенность в британской идентичности и пытается выяснить, к кому оно больше тяготеет – к континентальным европейцам или «североатлантическим» народам. Иными словами, кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер¹⁰.

Этот кризис в разных странах приобретает различные формы, по-разному протекает и сулит разные последствия. Разумеется, едва ли не в каждой стране он вызван особыми, уникальными обстоятельствами. Тем не менее практически одновременное начало подобных кризисов в Соединенных Штатах и в других странах не может не навести на мысль о том, что

эти кризисы имеют общую причину – или даже причины. В качестве примера таковых причин можно привести глобальную экономику, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающую миграцию населения земного шара, распространение демократических ценностей, окончание «холодной войны» и падение коммунистического строя в СССР, доказавшее нежизнеспособность советской системы в экономическом и политическом отношении.

Модернизация, прорывы в экономическом развитии, урбанизация и глобализация привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить ее рамки, превратить ее в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история. В США эта «фрагментация идентичности» проявилась в подъеме мультикультурализма, в четкой стратификации расового, «кровного» и гендерного сознания. В других странах фрагментация приобрела крайнюю форму субнациональных движений за политическое признание, автономию и независимость. Достаточно вспомнить такого рода движения, выступающие от имени франко-канадцев, шотландцев, фламандцев, каталанцев, басков, ломбардов, корсиканцев, курдов, косоваров, берберов, чеченцев, палестинцев, тибетцев, мусульман острова Минданао, суданцев-христиан, абхазов, тамиллов, жителей Восточного Тимора и других.

Впрочем, это «сужение идентичности» сопровождалось одновременным ее «расширением» – представители одного народа все чаще и чаще взаимодействуют с людьми иных культур и цивилизаций, разительно несхожих с их собственной, а современные средства коммуникации позволяют отождествлять себя с теми, кто живет далеко от родной страны, но говорит на том же языке, разделяет ту же веру или вырос в той же культуре. Наиболее отчетливо возникновение новой, «сверхнациональной» идентичности проявилось в Европе; при этом оно способствовало дальнейшему «сужению идентичности» у многих европейских народов: шотландцы все реже отождествляют себя с Британией, однако охотно причисляют себя к европейцам – то есть идентичность шотландская «вырастает» из идентичности европейской. То же верно для ломбардов, каталонцев и прочих национальных меньшинств.

Аналогичная картина «слияния и разбегания», «притягивания и отталкивания» наблюдается и на групповом уровне. Миграция, бесконечные переселения с места на место, как временные, так и постоянные, привели к «вавилонскому смешению» народов различных рас и культур. Жители Азии и Латинской Америки переселяются в США, арабы, турки, югославы, албанцы едут в Западную Европу... Благодаря современному транспорту и современным средствам связи эти иммигранты, несмотря на перемещения в пространстве, остаются в парадигме родной культуры. Посему их идентичность правильнее определять не как иммигрантскую, а как идентичность диаспор – транснациональных, трансгосударственных культурных групп. Представители диаспор смешиваются с чужими народами – и в то же время держатся особняком. Для США подобное означает, что нынешний высокий уровень иммиграции из Мексики и других латиноамериканских стран будет иметь совершенно иные последствия, нежели ассимиляция предыдущих волн переселенцев.

В девятнадцатом и двадцатом столетиях интеллектуальные, политические и даже (по особым поводам) экономические элиты поддерживали национализм. Этими элитами были созданы весьма утонченные и эмоционально весьма насыщенные методы пробуждения в компатриотах ощущения национальной идентичности – ощущения, превращавшего последних в ярых националистов. Однако в последние десятилетия двадцатого века была засвидетельствована нарастающая денационализация элит во многих странах мира, в том числе в США. Возникновение глобальной экономики и утверждение на мировых рынках транснациональных корпораций, равно как и представившаяся возможность формировать наднациональные аль-

яны в поддержку тех или иных реформ (движения за права женщин, за охрану окружающей среды, за права человека, за запрещение противопехотных мин, за запрет стрелкового оружия) привили многим элитам вкус к космополитической идентичности и существенно принизили для них важность идентичностей национальных. В прежние времена активные члены общества делали карьеры и зарабатывали состояния *внутри* собственной страны, перебираясь из деревни в город или из одного города в другой. Сегодня подобные люди перемещаются из страны в страну, следствием чего становится почти полная утрата «локализации идентичности» в пределах как одной страны, так и всего земного шара. Такие люди *бинациональны* или *мультинациональны*, то есть они – космополиты.

На раннем этапе европейского национализма национальную идентичность нередко определяли в религиозных терминах. В девятнадцатом и двадцатом столетиях националистическая идеология сделалась в значительной степени секулярной. Немцы, британцы, французы и американцы предпочитали определять свою принадлежность к конкретному народу через понятия традиции, языка, культуры, тем паче что определение исключительно через религию вело к почти неминуемому разрыву со многими согражданами. В двадцатом веке жители западных стран (исключая Соединенные Штаты) едва ли не полностью секуляризировались, церкви и религия в целом стали играть существенно меньшую роль в общественной и частной жизни.

Но век двадцать первый, судя по всему, обещает стать эпохой религиозного возрождения. Буквально повсюду, не считая Западной Европы, люди возвращаются к религии, возвращаются за утешением, за наставлением, за надеждой – и за идентичностью. «Реванш Бога», как выразился Жиль Кешпель¹¹, происходит в масштабах всего мира. Все чаще и чаще доводится слышать о кровавых столкновениях между приверженцами различных религий. Люди все больше заботятся о судьбах соратников по вере, проживающих в иных уголках Земли. Во многих странах оформились и крепко встали на ноги политические движения, стремящиеся к переопределению национальных идентичностей в религиозных терминах. А в США аналогичные движения не устают напоминать о «религиозном происхождении» Америки и о исторически засвидетельствованной необычайной приверженности американского народа христианской вере. Евангелическое христианство сегодня сделалось серьезной силой, и, быть может, нынешние американцы постепенно возвращаются к пониманию того, что на протяжении трех столетий они были христианским народом.

Последняя четверть двадцатого столетия ознаменовалась переходом от авторитарности к демократии в пятидесяти (и даже больше) странах мирах. Кроме того, в те же годы произошло заметное укрепление демократии в Соединенных Штатах и других развитых странах. Авторитарные правительства управляли и управляют людьми разных национальностей и культур. Демократия же означает, что люди сами выбирают себе правителей и участвуют в управлении государством, в результате чего вопрос национальной идентичности становится ключевым. Что значит слово «народ»? Как писал Айвор Дженнингс, «народ не может решить, пока кто-либо не решит за него, кто такой народ»¹². Решение по поводу того, кто же такой народ, может быть принято исходя из традиции, в результате войны или завоевания, плебисцита или референдума, принятия конституции или по иной причине, однако его никак не избежать. Споры по поводу определения национальной идентичности, по поводу того, кого считать гражданином, а кого – нет, превращаются из умозрительных теоретизирований в сугубую реальность, когда автократия сменяется демократией и когда демократия сталкивается с многочисленными притязаниями на гражданство.

Исторически национальные государства Европы сложились в итоге растянувшихся на несколько столетий феодальных войн. «Война сотворила государство, а государство начало войну», – высказался Чарльз Тилли¹³. Войны также сделали неизбежным формирование *национального сознания* у жителей новообразованных государств. Важнейшая функция государства

– защита нации, необходимость осуществлять эту функцию оправдывает укрепление авторитарности власти и создание вооруженных сил, бюрократии и эффективной налоговой системы. Войны двадцатого столетия – две мировые и «холодная война» – оказали сравнимое воздействие на современный мир. Впрочем, к исходу двадцатого века «холодная война» завершилась, а межгосударственные войны стали редкостью; согласно аналитическим оценкам, лишь семь из ста десяти вооруженных столкновений в период 1989–1999 годов не могут претендовать на то, чтобы их называли гражданскими¹⁴. Сегодня война – не столько творец государств, сколько их разрушитель. Если выражаться без метафор, эрозия функции защиты граждан принизила авторитет государства и лишила граждан причины отождествлять себя с государством, одновременно подталкивая людей к субнациональным и транснациональным группам.

Важность национальной идентичности в различных культурах осознается по-разному. Для мусульманского мира характерно U-образное «распределение идентичностей»: сильнее всего приверженность семье и роду, а также приверженность исламу и *уммам* его проповедников; лояльность к нации и национальному государству находится между этими полюсами и проявляется достаточно слабо. В западном мире, по контрасту, на протяжении двух последних столетий распределение идентичностей имело вид перевернутой U: нация в верхней точке фигуры подразумевала глубокую лояльность и преданность, значительно превосходившую преданность семье и вере. Ныне, впрочем, ситуация как будто меняется – благодаря утверждению субнациональных и транснациональных идентичностей; в итоге европейское и американское общество все сильнее напоминают мусульманский мир. Представления о нации, национальной идентичности и национальных интересах утрачивают значимость и практическую ценность. Если дело и вправду обстоит таким образом, встает вопрос: какие представления придут на смену отмирающим и чем это обернется для Соединенных Штатов? Если же опасения беспочвенны и практическая ценность национальной идентичности сохраняется, вопрос будет звучать так: каковыми могут быть последствия перемен в сути национальной идентичности для Америки?

Перспективы американской идентичности

Значимость национальной идентичности, особенно в сравнении с другими идентичностями, никогда не оставалась неизменной; она многократно варьировалась на протяжении человеческой истории. Во второй половине восемнадцатого столетия жители колоний и штатов выработали совместную американскую идентичность, существовавшую бок о бок с прочими, в основном государственными и местными идентичностями. Сражения с Британией, Францией и снова с Британией укрепили в американцах чувство народного единения. После 1815 года угроза национальной безопасности исчезла и значимость национальной идентичности не замедлила уменьшиться. Мгновенно проявившиеся экономические и групповые идентичности разделили страну, что в итоге привело к Гражданской войне. Эта война вновь укрепила национальную идентичность Америки. Когда же Соединенные Штаты вышли на мировую арену, американский национализм стал определяющей чертой их политики, что ярко проявилось в двух мировых войнах и в «холодной войне».

«Этническая составляющая» американской идентичности постепенно сокращалась, что было связано с ассимиляцией ирландцев и немцев, переселившихся в Америку в середине девятнадцатого столетия, а также южных и восточных европейцев, поток которых захлестнул Штаты между 1880 и 1914 годами. «Голос крови» ослабел еще на исходе Гражданской войны, а движения за гражданские права в 1950–1960-х годах фактически заставили забыть о таком понятии. В то же время Америка была и остается англо-протестантской страной, приверженной свободе и демократии, и в этом качестве она имеет перед собой четыре вызова.

Вызов первый. Распад СССР устранил наибольшую и наиважнейшую угрозу национальной безопасности Америки и, следовательно, ослабил значимость национальной идентичности в сравнении с идентичностями субнациональными, транснациональными, двунациональными и другими. Исторический опыт и социологические исследования показывают, что отсутствие «внешнего врага» пагубно сказывается на единстве общества и зачастую ведет к брожению в социуме. Вряд ли ставшие в последние годы привычными нападения террористов или конфликты с Ираком и прочими государствами из «черного списка» смогут возродить национальное сознание в той мере, в какой смогли это сделать войны двадцатого столетия.

Вызов второй. Идеологии мультикультурализма и многообразия подорвали могущество ключевых элементов американской идентичности, основы культуры и «американской веры». Президент Клинтон подразумевал именно этот вызов, рассуждая о необходимости третьей «великой революции» (в дополнение к Американской революции и революции гражданских прав), которая доказала бы, что «мы вполне способны обойтись без доминирующей европейской культуры»¹⁵. Нападки на эту культуру существенно ослабили порожденное ею «американское кредо» и воплотились в лозунгах различных общественных движений, ставящих права групп выше прав отдельных личностей.

Вызов третий. Третья волна массовой иммиграции, начавшаяся в 1960-е годы, привела в Соединенные Штаты множество латиноамериканцев и жителей Азии – в отличие от двух предыдущих волн, которые обе были европейскими по составу. Традиции и жизненные ценности новых иммигрантов нередко коренным образом отличались от тех, что бытовали в Америке. Для этих иммигрантов было значительно проще сохранять контакты со странами своего рождения, нежели «встраиваться» в новые условия обитания. Ранние переселенцы подвергались принудительной и эффективной «американизации», программа которой позволяла им почти безболезненно влиться в американское общество. Ничего подобного в современных США (начиная с 1965 г.) мы не наблюдаем. В прошлом ассимиляция ограничивалась суровыми иммиграционными законами, да и обе волны переселенцев были не слишком многочисленными по причине Гражданской и Первой мировой войн. Третья волна не знает ограничений. Исчезновение прежних национальных связей и ассимиляция новых иммигрантов обещают затянуться и вылиться в процесс, гораздо более проблематичный, нежели прошлые ассимиляции.

Вызов четвертый. Никогда раньше в Америке не было такой иммиграции, большинство представителей которой говорило бы на общем *неанглийском* языке. Преобладание испаноговорящих иммигрантов, близость их родных стран, компактная географическая локализация новых переселенцев, невозможность остановить или хотя бы существенно сократить иммиграционный поток, политика правительств в странах Латинской Америки, фактически поощряющих иммиграцию в США и помогающих своим бывшим гражданам обустроиться и обрести приличествующее положение в Штатах, поддержка американскими элитами принципов мультикультурализма и многообразия, двуязычное образование, программа позитивных действий, экономические методы управления, вынуждающие американских бизнесменов «потакать латинскому вкусу», использовать испанские слова и выражения в рекламе и нанимать испаноговорящих работников, требования ввести испанский язык в качестве второго официального в официальных документах и объявить знание этого языка обязательным для государственных служащих, – таковы реалии сегодняшнего дня, преобразующие Америку.

Отмирание этнической составляющей национальной идентичности и перечисленные выше вызовы традиционной культуре и вере заставляют задаться вопросом о перспективах американской идентичности. Существуют по меньшей мере четыре вероятностные модели грядущей идентичности: идеологическая, «двойная», националистическая и культурная. В реальности Америка будущего окажется, скорее всего, сочетанием этих четырех и прочих возможных идентичностей.

Во-первых, Америка может утратить «культурный стержень», как предполагал президент Клинтон, и превратиться в мультикультурное государство. Однако американцы могут с тем же успехом сохранить приверженность принципам «американской веры», которые тем самым заложат основу, идеологическую и политическую базу для нового объединения людей и возрождения национальной идентичности. Многие, в особенности либералы, приветствуют такую возможность; но не будем забывать, что нация возникает лишь в результате «политического контракта» между отдельными личностями, не имеющими иных общих воззрений. Это классическая, гражданская концепция нации, провозглашенная еще в эпоху Просвещения. Впрочем, история и психология учат, что на одном «политическом контракте» нация долго не продержится. Америка, основанная только на «американском кредо», быстро превратится в слабую конфедерацию с преобладанием разобщенных этнических, культурных и политических групп, у которых общим будет разве что проживание на определенной территории, некогда представлявшей собой территорию Соединенных Штатов Америки. Эта конфедерация во многом будет напоминать Австро-Венгерскую, Оттоманскую и Российскую империи в их последние дни. Группы выступают заодно, подчиняясь воле императора и его чиновников. Когда же император лишается престола, всякое единство распадается. Что касается Америки, найдутся ли общественные институты, способные удержать американцев вместе? И вообще, как показывает опыт Америки 1780-х и Германии 1860-х годов, конфедерациям долгая жизнь не суждена.

Во-вторых, массированная «латинская» иммиграция, начавшаяся с 1965 года, может превратить Америку в страну «двойной культуры» (английской и испанской), что окончательно расколется общество, и без того разделенное надвое противопоставлением белых и черных. Значительные территории, в основном в южной Флориде и на Юго-Западе, станут испанскими по языку и культуре, а в остальных штатах английский и испанский языки и английская и испанская культуры будут сосуществовать. Иными словами, Америка утратит свое лингвистическое и культурное единство и сделается двуязычной и двукультурной страной, наподобие Канады, Швейцарии или Бельгии.

В-третьих, действия различных сил, бросающие вызов «стержневой культуре» США и «американскому кредо», могут привести к возрождению давно, казалось бы, забытых этнических определений идентичности и к возникновению радикальных националистических движений, в первую очередь среди белых; эти движения будут отвергать, притеснять и даже подавлять людей, принадлежащих к иным этническим, культурным или политическим группам. Исторический опыт свидетельствует, что подобная реакция «доминантной группы», ощущающей угрозу со стороны новых групп, вполне возможна; события последних десятилетий в мире это подтверждают. В итоге мы получим расово нетерпимую страну, бурлящую от непрерывных межнациональных конфликтов.

В-четвертых, американцы, выступая в авангарде народов Земли, могут возродить свою «стержневую культуру». Это означает возвращение к представлению об Америке как о глубоко религиозной, христианской стране, допускающей существование ряда религиозных меньшинств, придерживающейся протестантских ценностей, говорящей на английском языке, бережно хранящей свое «европейское наследие» и преданной принципам «американской веры». Религия была и остается ключевым (возможно, ключевым) элементом американской идентичности. Само американское государство возникло в значительной мере по религиозным причинам, религиозные движения на протяжении без малого четырех столетий определяли пути развития страны. По всем признакам американцы гораздо более религиозны, нежели население любой другой промышленно развитой страны. Подавляющее большинство белых американцев, черных американцев и «латинских» американцев – христиане. В мире, где культура и в особенности религия формируют связи и союзы между людьми и провоцируют конфликты, американцы могут восстановить национальную идентичность и заново обрести национальную цель через возрождение культуры и веры.

Глава 2

Идентичности национальные и прочие

Концепция идентичности

Концепция идентичности, по меткому замечанию современного аналитика, «столь же обязательна, сколь и не отчетлива». Это «неявное множество, не поддающееся строгому определению и неподвластное стандартным методам измерения». Ведущий аналитик идентичностей Эрик Эриксон предложил применительно к интересующей нас концепции взаимно исключающие термины – «всепроникающая» и «туманная и непостижимая». Раздражающая неуловимость идентичности была наглядно продемонстрирована выдающимся теоретиком Леоном Визельтиром. В 1996 году он выпустил книгу под названием «Против идентичности», в которой дезавуировал и высмеял преклонение интеллектуалов перед этим понятием. В 1998 году Визельтир опубликовал книгу «Кадеш» – красноречивое, страстное и откровенное подтверждение его собственной еврейской идентичности. Идентичность – как грех: сколько бы мы ей ни противились, избежать ее мы не в силах¹⁶.

Но каким образом следует ее определять? На этот вопрос давались различные ответы; впрочем, в главном они друг другу не противоречили. Идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность присуща даже новорожденному, у которого она определяется такими признаками, как пол, имя, родители, гражданство. Правда, эти признаки остаются латентными до тех пор, пока ребенок не осознает их и не самоопределился с их помощью. Идентичность, как сформулировала группа исследователей, «соотносится с образами индивидуальности и отличительности («самости»), воспроизводимыми актером, и формируется (а также изменяется с течением времени) благодаря взаимоотношениям человека со значимыми персонажами из его окружения»¹⁷. Пока люди взаимодействуют со своим окружением, у них нет иного выбора, кроме как определять себя через отношения к другим и отождествлять обнаруженные сходства и различия.

Идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Если я считаю себя ученым, я буду вести себя соответственно этому представлению. Однако индивиды склонны менять идентичности. Если я начну вести себя иначе – к примеру, как полемист, а не как исследователь, – мне грозит «когнитивный диссонанс», с которым удастся справиться, лишь восстановив прежний образ жизни либо переопределив себя из ученых в адвокаты. Аналогично если некий человек самоидентифицирует себя с демократами, но при этом регулярно голосует за республиканцев, рано или поздно ему придется признать себя американцем.

Необходимо отметить несколько ключевых моментов относительно идентичности.

Первое. Идентичностью обладают как индивиды, так и группы. При этом индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах. Теория социальной идентичности показала, что стремление к идентичности ведет людей к поиску последней в самых разных, зачастую враждебных друг другу группах. Индивид может быть членом сразу многих групп и потому имеет возможность «переключать» идентичности. Групповая же идентичность, как правило, менее гибкая, поскольку основывается на заранее заданных параметрах. Так, мои идентичности включают принадлежность к политологам и к факультету управления Гарвардского университета; вдобавок я могу определить себя и как историка, и как сотрудника факультета политологии Стэнфордского университета (если там согласятся с подобным изменением моего статуса). Но гарвардский факультет управления никогда не сможет стать историческим

факультетом или перебраться в Стэнфорд. Его идентичность куда более жесткая, нежели моя. Если базовые параметры групповой идентичности исчезают (например, достигается цель, ради достижения которой и создавалась группа), само существование группы оказывается под угрозой – до тех пор, пока не будет найдена новая побудительная причина деятельности.

Второе. Идентичности в общем и целом представляют собой конструкторы. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению. Бенедикт Андерсон, фразу которого частенько повторяют, называл нации «воображаемыми сообществами». Перефразируя Андерсона, идентичности – воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности, пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности. Наследуемые признаки – скажем, национальность – переопределяются или вовсе отвергаются, да и само понятие национальной принадлежности меняется с течением лет, всякий раз приобретая новое содержание.

Третье. Индивиды, как и группы (хоть и в меньшей степени), обладают множественными идентичностями. Последние могут быть «кровными», территориальными, экономическими, культурными, политическими, социальными и национальными. Значимость перечисленных идентичностей для индивида или группы меняется с ходом времени, от ситуации к ситуации, при том что эти идентичности дополняют друг друга – или конфликтуют одна с другой. «Лишь экстремальные социальные ситуации, – замечает Кармела Либкинд, – подобные военным сражениям, временно устранивают все групповые идентичности, кроме одной, самой важной»¹⁸.

Четвертое. Идентичности определяются «самостью», являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами. Восприятие другими оказывает существенное влияние на самоидентификацию человека или группы. Если при попадании в новый социальный контекст человек оказывается в положении чужака, изгоя, он, по всей вероятности, начнет сам себя считать чужаком. Если большинство населения страны считает некое меньшинство отсталым и невежественным, члены этого меньшинства, скорее всего, воспримут это отношение, в результате чего оно превратится в часть их идентичности. Да, идентичность – это самоидентификация человека или группы, но на самоидентификацию оказывает огромное влияние восприятие тебя другими.

Внешние источники идентичности могут находиться в ближайшем окружении, в социальном контексте страны или в политическом строе. Что касается последнего, вряд ли будет преувеличением сказать, что правительства присваивают людям национальные и прочие идентичности.

Люди могут стремиться к идентичности, но достигнут ее лишь тогда, когда их примут в свой круг те, кто эту идентичность уже обрел. Известна история времен «холодной войны» о польском мальчике, который спрашивал своего отца: «Папа, в школе нам говорят, что русские – наши братья. А еще – что они друзья. Я совсем запутался, кто они такие – братья или друзья?» Отец подумал и ответил: «Братья». – «Почему, папа?» – не отставал мальчик. – «Потому что друзей можно выбирать». При этом не следует забывать, что люди, которых вы желаете видеть своими друзьями, станут таковыми, только если они сами хотят видеть вас своим другом. После окончания «холодной войны» поляки, чехи и венгры напряженно ожидали, признает ли Запад их притязания на принадлежность к Западной Европе. Этим народам удалось завоевать благосклонность Запада, но отсюда отнюдь не следует, что другие восточноевропейские народы, пожелавшие приобщиться к западной идентичности, встретят не менее радушный прием. Так, Европа почти не замечает Турцию, чьи элиты мечтают о «вестернизации» своей страны. В итоге турки никак не могут ответить сами себе, кто они такие – европейцы

или азиаты – и к какой геополитической сфере – Европа, Запад, Ближний Восток, исламский мир или даже Центральная Азия – относятся.

Пятое. Значимость альтернативных идентичностей индивида или группы ситуационна. В некоторых случаях люди подчеркивают тот аспект собственной идентичности, который связывает их с теми, с кем они взаимодействуют. В других случаях они подчеркивают аспекты, отличающие их от остальных. Как было доказано в одном исследовании, женщина-психолог в компании десятка психологов-мужчин будет чувствовать себя прежде всего женщиной; в компании десятка женщин, не имеющих отношения к психологии, она будет чувствовать себя психологом¹⁹. Значимость самоидентификации человека со страной обычно возрастает, когда этот человек выезжает за рубеж и въяе наблюдает образ жизни иностранцев. В попытках освободиться от османского ига сербы выпячивали приверженность православию, тогда как мусульмане-албанцы всячески подчеркивали свою расовую и языковую принадлежность. Основатели государства Пакистан формулировали национальную идентичность в рамках исламской религии, дабы подчеркнуть тем самым независимость Пакистана от Индии. Несколько лет спустя мусульманская страна Бангладеш, обосновывая право на государственную независимость от пакистанских единоверцев, упирала на особенности культуры и языка.

Идентичности могут быть узкими или расширенными, причем «ширина» наиболее значимых идентичностей варьируется относительно ситуации. Так, «вы» и «я» становятся «нами» по отношению к «ним»; как говорят арабы: «Мы с моим братом против наших братьев, мы с нашими братьями против всего мира». Чем активнее взаимодействие с представителями географически удаленных и основанных на иных ценностях культур, тем шире становятся идентичности. Для французов и немцев значимость национальной идентичности уступает значимости идентичности европейской, которая становится тем важнее, как заметил Джонатан Мерсер, «чем сильнее противоречия между «ними» и «нами», чем сильнее отличия между европейцами и японцами»²⁰. Поэтому вполне естественно, что процесс глобализации ведет к расширению религиозных и цивилизационных идентичностей, которые приобретают все большую значимость для индивидов и народов в целом.

Прочие и враги

Чтобы идентифицировать себя, людям нужны другие. А нужны ли им также и враги? Некоторым – безусловно. «О, как чудесно ненавидеть!» – восклицал Йозеф Геббельс. «О, какое наслаждение – схватка, как чудесно биться с врагами, которые защищаются, с врагами, которые пробудились», – писал Андре Мальро. Это крайние проявления потребности, присущей в той или иной степени всем людям без исключения, потребности во враге, выявленной двумя величайшими умами двадцатого столетия. В письме к Зигмунду Фрейду (1939) Альберт Эйнштейн утверждал, что любая попытка искоренить войну «завершится прискорбным провалом... поскольку внутри человека гнездится жажда ненависти и разрушения». Фрейд соглашался: люди, как звери, писал он в ответ, они решают проблемы насилием, и только всемогущему мировому государству удастся предотвратить подобное развитие событий. По Фрейду, люди обладают двумя типами инстинктов – «направленными на сохранение и объединение... и направленными на разрушение и смерть». Оба этих типа изначально присущи человеческой природе и сосуществуют в человеке. Поэтому «бесполезно и пытаться избавить человека от агрессивных наклонностей»²¹.

Другие исследователи человеческой психики и взаимоотношений в человеческом социуме приходили к аналогичным выводам. У людей, писал Вамик Волкан, выражена потребность «во врагах и союзниках». Эта потребность отчетливо проявляется в ранней юности, «когда другие группы рассматриваются исключительно как враждебные». Психика – «творец образа врага... До тех пор, пока вражеская группа соблюдает хотя бы психологическую дистанцию,

мы пребываем в уверенности и покое и проводим сравнения неизменно в свою пользу». Индивидам необходимы самоуважение, признание, одобрение – словом, то, что Платон, как напоминает Фрэнсис Фукуяма, называл *thymos*, а Адам Смит – тщеславием. Конфликт с врагом служит усилению этих характеристик в группе²².

Потребность индивидов в самоуважении ведет к убеждению, что группа, к которой они принадлежат, лучше всех прочих групп. Это ощущение «самости» усиливается и ослабевает одновременно с переменчивой фортуной групп, к которым принадлежат индивиды, причем в степени, зависящей от «ширины» конкретной групповой идентичности. Этноцентризм, как заметил Мерсер, есть «логическое следствие эгоцентризма». Даже в тех случаях, когда группы произвольны, временны, «минимальны», люди, по утверждению сторонников теории социальной идентичности, продолжают превозносить свою группу и дискриминировать прочие. В результате нередки ситуации, когда люди приносят в жертву абсолютные цели ради достижения относительных. Пусть им будет хуже, но все-таки лучше, чем тому, кого они видят своим соперником; вариант «нам лучше, но сопернику тоже» вовсе не рассматривается: «победа над соперником гораздо важнее абсолютной выгоды». Эти предположения подтверждаются психологическими экспериментами и опросами общественного мнения, не говоря уже о повседневном опыте и голосе рассудка. К неудовольствию экономистов, американцы не раз заявляли, что пускай они станут жить хуже, зато по-прежнему будут опережать японцев; вариант «жить лучше, но отстать от японцев» никого в Америке не устраивал²³.

Признание различий между собой и другими далеко не всегда ведет к конкуренции и тем более к ненависти. Но даже те, кто почти не испытывает психологической потребности ненавидеть, часто вовлекаются в процессы, ведущие к созданию врагов. Идентичность требует дифференциации. Последняя, в свою очередь, требует сравнения, выявления признаков, по которым «наша» группа отличается от «их» группы. Сравнение порождает оценку: «наши» признаки лучше или хуже, чем «их» признаки? Групповой эгоизм ведет к логичному выводу: все «наше» намного лучше. А поскольку представители других групп рассуждают аналогичным образом, конфликтующие позиции ведут к конкуренции. «Мы» должны продемонстрировать «наше» превосходство над «ними». Конкуренция ведет к антагонизму и расширению узкой идентичности, к превращению оной в идентичность фундаментальную. Возникают стереотипы, противники демонизируются, «другие» становятся врагами.

Потребность во врагах объясняет постоянство конфликтов внутри человеческих сообществ и между ними, однако формы и локализации этих конфликтов далеко не очевидны. Конкуренция и конфликт возможны только между теми, кто находится в одном и том же универсуме, на одной и той же арене. В определенном смысле, как заметил Волкан, враг «должен быть «как мы»²⁴. Футбольная команда может относиться к другой футбольной команде как к сопернику, но команда хоккейная для нее соперником уже не будет. Исторический факультет одного университета воспринимает исторические факультеты других университетов в качестве соперников в борьбе за качество образования, за студентов, за престиж учебного заведения с точки зрения науки; но он не будет конкурировать с физическим факультетом даже в своем собственном университете – разве что в вопросах финансирования. Конкуренты должны играть на одной шахматной доске; большинство индивидов и групп конкурируют между собой на нескольких досках. Доски остаются, зато игроки меняются, и одна игра приходит на смену другой. Поэтому возможность продолжительного мира между этническими группами, нациями и государствами представляется маловероятной. Как показывает человеческий опыт, окончание одной войны, «горячей» или «холодной» – все равно, создает предпосылки для начала следующей. «Элементом человеческого естества, – заключил совет психиатров, – всегда были поиски врага, воплощающего, на временной или постоянной основе, наши собственные отрицательные качества»²⁵. Сложившиеся в конце двадцатого столетия теория различий, теория

социальной идентичности, социобиология и теория атрибуции едины в заключении, что ненависть, соперничество, потребность во враге, личное и групповое насилие и войны коренятся в человеческой психике и психике человеческого социума.

Источники идентичности

Перед людьми имеется богатый, почти безграничный выбор возможных источников самоидентификации. Наиболее важными среди них представляются следующие:

1. Аскриптивные – возраст, пол, кровное родство, этническая и расовая принадлежность;
2. Культурные – клановая, племенная, языковая, национальная, религиозная, цивилизационная принадлежности;
3. Территориальные – ближайшее окружение, деревня, город, провинция, штат, регион, климатическая зона, континент, полушарие;
4. Политические – фракционная и партийная (в широком смысле – от клики до общественного движения) принадлежности, преданность лидеру, группы интересов, идеология, интересы государства;
5. Экономические – работа, профессия, должность, рабочее окружение, наниматели, отрасли, экономические секторы, профсоюзы, классы, государства;
6. Социальные – друзья, клубы, команды, коллеги, компании для развлечений, социальный статус.

Любой индивид неминуемо окажется вовлеченным во множество перечисленных выше группировок, но из этого вовсе не следует, что они тем самым станут для него источниками идентичности. К примеру, человек может найти работу или страну, которые ему отвратительны, и отвергнуть их. Кроме того, взаимоотношения идентичностей достаточно сложны. Когда идентичности сопоставимы в абстрактном смысле, но способны порой, как это бывает с семейными и рабочими идентичностями, налагать на человека противоречивые обязательства, – мы говорим о дифференцированных идентичностях. Другие идентичности, например, территориальные или культурные, являются иерархическими по своей сути. Широкие идентичности включают в себя идентичности узкие, при этом последние могут конфликтовать со «старшими» – скажем, человек, отождествляющий себя с провинцией, отнюдь не обязательно отождествляет себя со страной. Вдобавок некоторые идентичности одного и того же разряда могут и не быть «всеобъемлющими». Вспомним о двойном гражданстве, о «двойных национальностях», когда утверждается, что человек одновременно – американец и итальянец; однако двойной религиозности не существует – невозможно быть одновременно мусульманином и католиком.

Идентичности также различаются по степени интенсивности. Самоидентификация зачастую зависит от масштабов: люди охотнее, интенсивнее отождествляют себя с семьей, а не с политической партией (впрочем, не всегда). Более того, значимость идентичностей всех типов варьируется под влиянием взаимодействия индивида или группы с окружающей средой.

Узкие и широкие идентичности в рамках одной иерархии могут усиливать друг друга или конфликтовать одна с другой. Эдмунд Берк обронил знаменитую фразу о том, что главный принцип (зародыш) общественного поведения – привязанность к малому, к тому фрагменту социума, к которому мы принадлежим: «Любовь к целому отнюдь не устраняется этой привязанностью к малому». «Феномен фрагмента» является ключевым для достижения военного успеха. Страны выигрывали войны, армии побеждали в сражениях благодаря тому, что солдаты *интенсивно* отождествляли себя с собратьями по оружию. А невозможность формирования единого сознания в малой группе неизбежно ведет к поражению – как узнали американские

военные во Вьетнаме. Иногда, правда, узкие привязанности вступают в конфликт с широкими и даже подменяют собой последние, как это происходит с территориальными движениями за автономию и независимость. Иными словами, мира и покоя внутри иерархии идентичностей не наблюдается.

Ложная дихотомия

Нации, национализм и национальные идентичности в общем и целом суть порождения колебаний европейской истории в период между пятнадцатым и девятнадцатым столетиями. Война создала государство, она также породила нации. «Ни одна нация, в истинном смысле этого слова, – утверждает выдающийся историк Майкл Говард, – не могла возникнуть без войны... Никакое самоопределившееся сообщество не могло утвердиться в качестве нового, независимого игрока на мировой арене без вооруженного конфликта или угрозы такового»²⁶. Люди формируют ощущение национальной идентичности в сражениях за дифференциацию с теми, кто говорит на другом языке, исповедует другую религию, хранит другие традиции или просто живет на другой территории.

Французы, англичане, а следом за ними голландцы, испанцы, пруссаки, германцы и итальянцы «выплавили» свои национальные идентичности в тигле войны. Чтобы выжить и преуспеть, европейские короли и принцы в шестнадцатом – восемнадцатом столетиях неустанно мобилизовывали экономические и людские ресурсы своих владений, тем самым постепенно создавая профессиональные национальные армии взамен наемных войск. Одновременно шли процессы формирования национального сознания и противопоставления одной нации другим. К 1790-м годам, писал Р. Р. Палмер, «войны королей завершились, начались войны народов»²⁷. Слова «нация» и «отечество» проникли в европейские языки лишь к середине восемнадцатого столетия. Характерный образчик обретения национальной идентичности у европейских народов – возникновение британской идентичности. Английская идентичность сформировалась в войнах с французами и шотландцами. Британская же идентичность сложилась позднее – но тоже в итоге «прежде всего войны. Снова и снова бритты сражались с французами, снова и снова вступали в вооруженную конфронтацию с врагом, откуда бы тот ни являлся – из Уэльса, из Шотландии, из самой Англии; снова и снова коллективно защищались от нападений Другого. В своих глазах они сами выглядели протестантами, сражающимися за выживание с олицетворением могущества католического мира»²⁸.

Если принять как данность, что нации и национальные государства исторически возникли в результате войн, придется отвечать на вопрос, возможно ли поддерживать национальную идентичность в мирное время. Не ослабляет ли продолжительный мир значимости национальной идентичности в сравнении с прочими и не ведет ли он к эрозии патриотизма и к обострению конфликтов между людьми, прежде считавшими себя представителями одной нации, противопоставляемой другим?

Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и интегральный, или рационально-ассоциативный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, – или просто патриотизм и национализм²⁹. В каждой паре первый ее член рассматривается как «хороший», а второй – как «плохой». «Хороший», гражданский национализм подразумевает существование открытого общества, основанного (по крайней мере в теории) на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами этого общества люди любой расы, любой национальности. Этнический национализм, по контрасту, является ограничительным: «членство» в нации доступно лишь тем,

кто обладает определенным набором базовых этнических и культурных признаков. В начале девятнадцатого столетия, по мнению ученых, усилия европейских народов по созданию национальных идентичностей носили выраженный гражданский характер. Националистические движения ратовали за равенство граждан, отвергая классовые и сословные отличия. Либеральный национализм бросал вызов авторитарным многонациональным империям. Позднее романтики и их последователи, прославляя «народность» и поставив этническое сообщество выше отдельного человека, создали «непросвещенный» этнический национализм, который достиг своего апофеоза в гитлеровской Германии.

Дихотомия между гражданским и этническим национализмом, как их ни назови, существенно упрощает реальную картину и потому не выдерживает критики. В большинстве упомянутых выше пар этническая категория является своего рода вместилищем всех тех форм национализма и национальной идентичности, которые не удалось отнести к гражданским, либеральным или договорным. В частности, эта категория вмещает в себя две совершенно разные концепции национальной идентичности – этнически-расовую и культурную. Читатель, возможно, заметил, что выше мы не упомянули «нацию» в числе возможных источников идентичности. Причина этого следующая: на Западе национальная идентичность время от времени становилась основной формой идентичности, однако она оставалась «производной» и черпала свою интенсивность из других источников. Таковая идентичность обычно (но не всегда) включает в себя территориальный элемент, а также элементы аскриптивные (раса, этническая принадлежность), культурные (религия, язык), политические (государство, идеология) и даже экономические (сельское хозяйство) и социальные (сети и сетевые коммуникации).

Главный тезис этой книги – сохраняющийся приоритет англо-протестантской культуры в американской национальной идентичности; но слова «культура» имеет, как известно, множество значений. Чаще всего его используют применительно к «культурным продуктам» общества, подразумевая как «высокую» культуру (искусство, литература, музыка), так и «низкую» (массовые развлечения, предпочтения потребителей). В этой книге слову «культура» придан несколько иной смысл. Под «культурой» мы понимаем совокупность языка, религии, общественных и политических ценностей, социального кодекса, разграничивающего «хорошее» и «дурное», «допустимое» и «недопустимое», а также общественных институтов и поведенческих структур, отражающих эти субъективные элементы. Приведем пример, более подробно рассматриваемый в главе четвертой: большинство трудоспособных американцев работают дольше, отдыхают меньше и позднее выходят на пенсию, нежели жители других промышленно развитых стран; в Америке ниже уровень безработицы и инвалидности и скромнее пенсионные льготы. Кроме того, большинство американцев сильнее гордятся своей работой, воспринимают отдых как нечто не слишком достойное и даже испытывают чувство вины, когда отдыхают, презирают тех, кто не работает, считают рабочую этику ключевым элементом представления о типичном американце. Кажется вполне разумным заключить из вышесказанного, что объективный и субъективный акценты на работе являются отличительной характеристикой американской культуры в сравнении с другими культурами. Именно в этом смысле слово «культура» и употребляется в данной книге.

Гражданско-этническая дихотомия объединяет культурные и аскриптивные элементы, которые разительно отличаются друг от друга. Разрабатывая свою этническую теорию, Хорас Каллен утверждал, что, сколь бы иммигрант ни изменился, «он не сможет изменить своего деда»³⁰. Отсюда следует, что этнические идентичности остаются фактически неизменными. Межнациональные браки опровергают это утверждение, а еще более важным доводом является различие между традициями и культурой. Человек не в состоянии изменить своих предков, и в этом смысле этническое наследие трактуется как данность. Точно так же человек не в силах поменять цвет кожи, хотя значимость цветов кожи в разных обществах разнится. Однако человек в силах сменить культуру. Люди переходят из одной веры в другую, учат иностранные

языки, принимают новые ценности и убеждения, отождествляют себя с новыми символами, подстраиваются под новый образ жизни. Культура младшего поколения зачастую сильно отличается от культуры предыдущих поколений. Временами происходят и глобальные перемены в культурах обществ. Перед Второй мировой войной и после нее Германия и Япония определяли свою национальную идентичность преимущественно в аскриптивных, этнических терминах. Поражение в войне изменило стреловой элемент обеих культур. Две самых милитаризованные страны земного шара в 1930-х годах превратились в две наиболее миролюбивые. Культурная идентичность трансформируема, идентичность же этническая трансформации не подлежит. Поэтому необходимо проводить между ними четкое различие.

Важность ключевых элементов национальной идентичности варьируется в зависимости от исторического опыта народа. Часто какой-либо источник идентичности волей обстоятельств оказывается доминирующим. Германская идентичность включает лингвистические и прочие культурные элементы, но была аскриптивно определена законом 1913 года в расовых терминах. Немцем может считаться лишь тот, чьи родители были немцами. В результате потомки немецких переселенцев, обосновавшихся в России в восемнадцатом веке, признаются немцами и, если они эмигрируют в Германию, автоматически получают немецкое гражданство – несмотря на то, что язык, на котором они говорят (если говорят вообще), будет непонятен большинству новых соотечественников, а их привычки и традиции коренному немцу покажутся совершенно дикими. По контрасту, потомки (в третьем поколении) турецких переселенцев, которые выросли в Германии, получили в ней образование, нашли работу и бегло говорят по-немецки, вплоть до 1999 года сталкивались с непреодолимыми препятствиями при попытках получить немецкое гражданство.

В бывших Советском Союзе и Югославии национальная идентичность определялась политически, через коммунистическую идеологию, насаждавшуюся правящими режимами. В этих странах проживали люди множества национальностей, каковые национальности были официально признаны на культурном уровне. С другой стороны, французы на протяжении полутора столетий (считая с 1789 г.) были политически разделены на два народа – *mouvement* и *l'ordre etabli*, которые категорически отказывались искать соглашения относительно того, нужно или нет признать законным все произошедшее в период Французской революции. Поэтому французская идентичность определялась культурой. Иммигранты, которые вели французский образ жизни и, что важнее, прекрасно говорили по-французски, признавались французами. В отличие от Германии, французский закон гласил, что любой человек, рожденный во Франции, пускай от родителей-иностранцев, признается французским гражданином. Правда, это положение подкорректировали в 1993 году: теперь отпрыскам иностранцев, рожденным на территории Франции, вменялось в обязанность подавать прошение о получении гражданства до наступления восемнадцатилетнего возраста. Это было сделано из опасения, смогут ли дети иммигрантов из мусульманской Северной Африки проникнуться французской культурой. Но в 1998 году ограничения ослабили: сегодня дети, рожденные на территории Франции от родителей-иностранцев, автоматически становятся французскими гражданами в возрасте восемнадцати лет, если к тому времени прожили на французской земле пять лет подряд, с одиннадцати до восемнадцати.

Значимость составных элементов национальной идентичности переменчива. В конце двадцатого столетия немцы и французы в большинстве своем отвергли авторитарные элементы идентичности и приобщились к демократическим ценностям. Во Франции прославляют революцию, в Германии ниспровергают фашизм. С окончанием «холодной войны» лишилась национальной идентичности Россия: малая часть общества осталась приверженной коммунистической идеологии, некоторые отождествили себя с Европой, другие пытаются определиться через культурные элементы – православие и панславизм, третьи, исходя из географического местоположения страны, рассуждают о России как об евразийской державе.

И Германия, и Франция, и Россия (СССР) на протяжении своей истории устанавливали различные приоритеты среди элементов национальной идентичности, и значимость этих элементов менялась с течением времени. То же самое верно и в отношении других стран. А что же Америка? Какой преимущественно была ее идентичность – аскриптивной, территориальной, культурной, политической, экономической? И как она менялась за столетия своего существования?

Часть II

Американская идентичность

Глава 3

Элементы американской идентичности

Переменные, константы и частичная правда

Частичная правда, или полуправда, часто оказывается куда более коварной, нежели откровенная ложь. Последнюю легко одолеть и опровергнуть доказательствами, поэтому она с гораздо меньшей вероятностью будет принята в качестве безоговорочной истины. А вот частичная правда бывает весьма убедительна, поскольку подтверждается кое-какими фактами и ее потому нетрудно принять за истину. Размышления об американской идентичности в обществе основываются на двух положениях, каждое из которых правдиво лишь отчасти, но регулярно принимается за истину в последней инстанции. Первое положение гласит, что Америка является государством иммигрантов; второе – что американская идентичность определяется комплексом политических принципов, то есть так называемым «американским кредо». Эти две основы американского общества нередко описываются вместе. Утверждается, что кредо объединяет разрозненные иммигрантские национальности и представляет собой, как выразился Гуннар Мюрдаль, «цемент, скрепляющий структуру этой великой и ни с кем не сравнимой нации». Что касается американской идентичности, она, по выражению Стэнли Хоффмана, есть уникальный продукт «материального фактора» – этнического разнообразия, порожденного иммиграцией, и «идеологического фактора» – либерально-демократического кредо³¹.

В этих утверждениях безусловно присутствует правда: иммиграция и вера суть ключевые элементы американской национальной идентичности. Но необходимо учитывать, что оба этих элемента являются частичными – ни тот, ни другой не выражают сути американской идентичности. Ни тот, ни другой не объясняют нам, чем именно это общество, это государство привлекает иммигрантов и почему именно эта культура создала «американское кредо».

Америка – «искусственное образование», государство, основанное европейскими переселенцами в семнадцатом – восемнадцатом столетиях; эти переселенцы в массе своей были белыми британцами и протестантами. Их философия, их традиции, их культура заложили основы американского общества и на многие годы вперед определили стезю развития Америки. Первоначально идентификация происходила через выявление этнической и культурной принадлежности, прежде всего – через религию. В восемнадцатом столетии пришлось определиться идеологически, дабы оправдать независимость от бывших соотечественников в Европе. Белый цвет кожи, британское происхождение, протестантизм, независимость – таковы основные элементы американской идентичности в восемнадцатом и девятнадцатом веках. В последние годы девятнадцатого века этнический элемент идентичности был расширен и включал в себя не только англичан, но и немцев, ирландцев и скандинавов. К началу Второй мировой войны, с нарастанием потока иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы, этническая идентификация фактически прекратила свое существование в качестве ключевого элемента американской идентичности. После войны ее судьбу повторила идентификация расовая – благодаря движению за гражданские права и закону об иммиграции 1965 года. В результате к 1970-м годам американская идентичность определялась через культуру и веру. Именно тогда англо-протестантская культура, три столетия подряд служившая стержнем общества, подверг-

лась первым нападкам и возникла пугающая перспектива: определение национальной идентичности исключительно через веру, то есть через идеологию. В табл. 1 (в чрезвычайно упрощенном виде) показана меняющаяся значимость четырех основных элементов американской идентичности.

Таблица 1

	Этнический	Расовый	Культурный	Политический
1607–1775	Да	Да	Да	Нет
1775–1940	Да	Да	Да	Да (кроме 1840–1865)
1940–1965	Нет	Да	Да	Да
1965–1990	Нет	Нет	Да	Да
1990–	Нет	Нет	?	Да

Первопоселенцы: до иммиграции

Большую часть своей истории Америка не слишком гостеприимно встречала иммигрантов и вовсе не радовалась тому, что ее называют «страной беженцев». После введения в 1924 году сурового антииммиграционного законодательства отношение к американским иммигрантам мало-помалу начало меняться. Этому немало способствовало знаменитое обращение президента Франклина Рузвельта к Дочерям американской революции в 1938 году: «Помните, помните всегда, что все мы, а мы с вами в особенности, ведем свой род от иммигрантов и революционеров». Президент Кеннеди процитировал эти слова в своей книге «Нация иммигрантов», опубликованной посмертно; однако и до него, и после его смерти эту фразу многократно повторяли исследователи и журналисты. Ведущий историк американской иммиграции Оскар Хэндлин утверждает, что «иммигранты – неотъемлемая часть истории Америки, ее подлинная история». Выдающийся социолог Роберт Белла вторит президенту Рузвельту: «Все американцы, за исключением индейцев, – иммигранты или потомки иммигрантов»³².

Эти утверждения также представляют собой не всю правду, а лишь часть правды. Рузвельт в известной мере ошибался, когда заявил, что все американцы ведут свой род от «революционеров»; но эта ошибка выглядит ничтожной по сравнению с притязаниями на происхождение самого президента и его аудитории от «иммигрантов». Предки президента Рузвельта и Дочерей американской революции были не иммигрантами, а переселенцами, и на заре своего существования Америка была не государством иммигрантов, но обществом (и даже обществами) переселенцев, которые перебрались в Новый Свет в семнадцатом и восемнадцатом столетиях. Именно англо-протестантская культура переселенцев оказала наибольшее влияние на формирование американской культуры, американского пути и американской идентичности. Утверждать, что иммигранты – сама история Америки, означает игнорировать факты и оставлять без внимания истинные движущие силы исторического процесса в США.

Иммигранты разительно отличаются от переселенцев. У последних имелось собственное сообщество, они объединялись в группы, ставившие целью создание «новой земли», «града на холме» на далеких новых территориях. Ими двигало осознание великой цели. Они подписывали – въяе или мысленно – некий договор, или хартию, определявшую основные принципы устройства нового общества и коллективных взаимоотношений с родиной. По контрасту, иммигранты не создают нового общества. Они лишь перемещаются из одного существующего общества в другое. Миграция, как правило, носит личностный характер, затрагивая отдельных людей или же семьи, которые *индивидуально* определяют свои отношения со старой и

новой странами проживания. Переселенцы стремились в Америку потому, что в семнадцатом и восемнадцатом столетиях она была *tabula rasa*. Не считая индейских племен, которые истребляли или отгоняли на запад, в Америке не было сложившихся обществ; переселенцы прибывали на материк, дабы создавать эти общества, воплощавшие и пропагандировавшие те моральные ценности, ради которых люди покидали родную страну. Иммигранты же стремились всего-навсего стать частью общества, которое создали переселенцы. В отличие от своих предшественников, они переживали «культурный шок», пытаясь воспринять культуру, в значительной мере отличающуюся от их собственной³³. Прежде чем иммигранты смогли перебраться в Америку, переселенцы должны были ее основать.

Различия между иммигрантами и переселенцами отчетливо осознавались теми, кто привел Америку к независимости. Еще до революции, как замечает Джон Хайам, английские и голландские колонисты «воспринимали себя как основателей, первопоселенцев, основоположников – сеятелей нового, творцов новых обществ, – но не как иммигрантов. Им принадлежали форма управления и язык, рабочий распорядок и правила общежития, равно как и многие установления, к которым иммигранты вынуждены были приспособляться»³⁴. Само понятие «иммигрант» пришло в английский язык около 1780 года из Америки, где стали так называть новопривывающих, чтобы отделить их от первопоселенцев.

Американцы обычно называют тех, кто добился независимости и принял конституцию, отцами-основателями. Однако отцам-основателям, вершившим свои дела в 1770–1780-е годы, предшествовали первопоселенцы. Америка началась не в 1775, 1776 или 1787 годах. Она началась с первыми лагерями поселенцев, в 1607, 1620 и 1630 годах. События 1770–1780-х годов – лишь утверждение в Америке англо-протестантской культуры, развившейся в Европе за полтора столетия, минувших с высадки на американском берегу первопоселенцев.

Стержневой культурой Америки была и по сей день остается та самая культура, которую принесли с собой первопоселенцы. Ключевой элемент этой культуры может быть определен множеством способов, однако он будет непременно включать в себя христианскую религию, протестантские ценности и мораль, рабочую этику, английский язык, британские традиции права, справедливости и ограничений власти правительства, а также европейскую традицию искусства – литературы, живописи и скульптуры, философии, музыки. На основании этой культуры первопоселенцы выработали «американское кредо» с его принципами свободы, равенства, ценности отдельной личности, уважения прав граждан, репрезентативного правительства и частной собственности. Последующие поколения иммигрантов поглощались этой культурой первопоселенцев, платили ей своеобразную дань и понемногу ее модифицировали. Однако глобальных перемен не происходило – и произойти не могло. До конца двадцатого столетия именно англо-протестантская культура, англо-протестантские ценности и институты влекли иммигрантов в Америку.

По своему происхождению и по стержневой культуре Америка, таким образом, является колониальным обществом, в исконном, буквальном смысле слова «колония», то есть «поселение, основанное людьми, которые покинули родину в поисках лучшей доли». Этот исконный, буквальный смысл слова разительно отличается от того, который слово «колония» приобрело позднее – «заморская территория, подчиняющаяся правительству другого народа». Историческими прототипами колоний, основанных в Америке семнадцатого столетия англичанами, французами и голландцами, могут послужить греческие (афинские, коринфские и пр.) колонии на Сицилии, основанные в восьмом-седьмом веках до н. э. Схож сам процесс заселения новой территории и ее освоения, несмотря на разделяющие эти периоды две с лишним тысячи лет³⁵.

Поселенцы, основывавшие колонии, оказали существенное и продолжающееся ощущаться по сей день влияние на культуру новых поселений. Эти, как выразился историк Джон Пор-

тер, «договорные группы» во многом «определили дальнейшее развитие общества, фактически став его собственниками». Антрополог Уилбур Зелински назвал этот феномен «доктриной эффективности первых поселений». На новых территориях, по мнению Зелински, «отличительные характеристики группы, сумевшей создать жизнеспособное общество, в последующем будут иметь решающее значение для социальной и культурной географии данной местности, вне зависимости от того, сколь многочисленна или малочисленна была эта группа. С точки зрения продолжительности эффекта деятельность нескольких сотен и даже нескольких десятков человек может значить для культурной географии куда больше, нежели свершения десятков тысяч иммигрантов несколькими поколениями позднее»³⁶.

Итак, первопоселенцы принесли с собой на новые земли собственную культуру, которая утвердилась в новом мире и сохранилась практически в неизменности, тогда как на родине поселенцев эта культура подвергалась изменениям. «Новая нация нова отнюдь не во всем, – писал один исследователь, изучавший первые римские колонии в Испании. – Колонисты, как подтверждается историческими фактами, сохраняют обычаи и речевые обороты, вышедшие из употребления на их родине; испанский язык восходит к форме латыни, более архаической, чем та, из которой образовался язык французский. Испанские римляне, как представляется, истово хранили верность римским традициям. С другой стороны, это не мешало им добиваться успехов в освоении оторванных от родины территорий». Схожее наблюдение относительно Квебека содержится и у Токвиля:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.